

ГЛАВА ДЕВЯНОСТО ДЕВЯТАЯ,

в которой рассказывается о том, как было выдержано последнее испытание из восьмидесяти одного, после чего исчезли злые мары, и как, закончив период испытаний, путники вернулись к первоначальному состоянию

Итак, восемь духов — хранителей Будды сопровождали Танского монаха в Танское государство. Но об этом мы пока говорить не будем. Вернемся к тройным воротам, ведущим в храм Будды, у которых мы оставили духов — повелителей пяти стран света, духов времени, небесных гонцов Лю-дин и Лю-цзя, а также духов — хранителей кумирен, называемых вихара. Все они направились к бодисатве Гуаньинь и возвестили:

— По твоему святейшему повелению мы все незримо охраняли праведного монаха, который ныне завершил свой путь. Ныне, бодисатва, ты выполнила повеление, данное тебе нашим драгоценным, золотым Буддой. Мы надеемся, что и повеление, данное нам тобой, тоже выполнено.

— Да, да, конечно, — обрадованно ответила бодисатва. — А скажите, как вели себя в продолжении всего пути Танский монах и его спутники? Какие у них были помыслы? — спросила она.

— Нам думается, что их искренность и благоговейное почитание Будды не укрылись от твоего взора, — отвечали духи. — На долю Танского монаха выпали тяжкие испытания. Все пережитые им злоключения и беды, которые постигали его на всем пути, записаны у нас, и этот список находится здесь. Вот он!

Бодисатва просмотрела список от начала до конца. Вот что было написано там:

«Во исполнение указа, мы, духи — повелители пяти стран света, постигшие учение Будды, были приставлены к Танскому монаху и почтительно записывали все злоключения, которые с ним происходили:

Первое злоключение, когда Золотой кузнечик был понижен в должности;

Второе, когда при рождении чуть было его не убили;

Третье, когда при полной луне его бросили в реку;

Четвертое, когда он искал родных и хотел отомстить за нанесенную им обиду, Пятое, когда он, выйдя из города, повстречался с тигром;

Шестое, когда он не послушался совета и попал в яму;

Седьмое, когда он переходил через Двурогий хребет;

Восьмое, когда он был на вершине горы Двух границ;

Девятое, когда он впервые сел на белого коня у горного водопада;

Десятое, когда ночью случился пожар;

Одиннадцатое, когда он потерял свое монашеское облачение;

Двенадцатое, когда был приведен в покорность Чжу Ба-цзе;

Тринадцатое, когда злой оборотень Желтый халат преградил ему путь;

Четырнадцатое, когда пришлось обращаться за помощью к бодисатве Линцзи на горе Сумеру;

Пятнадцатое, когда он переправлялся через реку Сыпучих песков;

Шестнадцатое, когда в число учеников-спутников был принят Ша-сэн;

Семнадцатое, когда священный конь, на котором ехал Танский наставник, показал свое волшебство;

Восемнадцатое, когда Танский наставник остановился в монастыре Учжуан на горе Ваньшоушань;

Девятнадцатое, когда он чуть было не заплатил жизнью за корень жэньшэнь;

Двадцатое, когда он прогнал от себя смышленную обезьяну Сунь У-куна;

Двадцать первое, когда путники разбрелись и потерялись в Черном сосновом бору;

Двадцать второе, когда он взялся доставить письмо в столицу страны Баосянго;

Двадцать третье, когда во дворце правителя страны Баосянго Танского наставника приняли за оборотня-тигра;

Двадцать четвертое, когда на горе Пиндиншань Танский наставник повстречался со злым духом-марой;

Двадцать пятое, когда его подвесили в пещере Цветок лотоса; Двадцать шестое, когда был спасен правитель страны Уцзиго;

Двадцать седьмое, когда злой дьявол-мара заколдовал его;

Двадцать восьмое, когда на горе Хаошань повстречался оборотень;

Двадцать девятое, когда вихрь унес Танского наставника;

Тридцатое, когда смышленная обезьяна Сунь У-кун попала в беду;

Тридцать первое, когда пришлось обращаться к святым с просьбой покорить злых духов-оборотней;

Тридцать второе, когда Танский наставник тонул в Черной реке;

Тридцать третье, когда путники попали в страну Чэчиго;

Тридцать четвертое, когда Сунь У-кун побился об заклад, кто выиграет и кто проиграет;

Тридцать пятое, когда буддийские монахи взяли верх над даосскими;

Тридцать шестое, когда путников застигло наводнение;

Тридцать седьмое, когда Танский наставник упал в реку Тяньхэ;

Тридцать восьмое, когда его выловили вершей;

Тридцать девятое, когда он встретил оборотней на горе Золотой шишак;

Сороковое, когда трудно было справиться с небесными духами;

Сорок первое, когда выпытывали у Танского наставника происхождение Будды;

Сорок второе, когда Танский наставник напился воды и зачал;

Сорок третье, когда его хотели женить в государстве Силян;

Сорок четвертое, когда он терпел мучения в пещере Пиба;

Сорок пятое, когда он вновь прогнал от себя Сунь У-куна;

Сорок шестое, когда трудно было отличить настоящего Сунь У-куна от поддельного;

Сорок седьмое, когда путь преградила Огнедышащая гора;

Сорок восьмое, когда Сунь У-кун доставал банановый веер;

Сорок девятое, когда был покорен правитель оборотней;

Пятидесятое, когда Танский наставник обметал пыль с пагоды в городе Сайчэн;

Пятьдесят первое, когда Сунь У-кун достал талисман и спас своего учителя;

Пятьдесят второе, когда Танский наставник отозвался на стенания, раздававшиеся в Терновом лесу;

Пятьдесят третье, когда он очутился в монастыре малых Раскатов грома, где попал в беду;

Пятьдесят четвертое, когда все небесные духи оказались в ловушке;

Пятьдесят пятое, когда дорогу завалило перегнившими фигами;

Пятьдесят шестое, когда Сунь У-кун занялся врачеванием;

Пятьдесят седьмое, когда Танский наставник избавился от недуга;

Пятьдесят восьмое, когда была взята в плен царица и покорены злые оборотни;

Пятьдесят девятое, когда Танского наставника чуть не погубили семь красавиц;

Шестидесятое, когда Многоокий получил ранения;

Шестьдесят первое, когда дорогу преградила гора Шито;

Шестьдесят второе, когда оборотни трижды меняли свой облик;
Шестьдесят третье, когда в городе случилась беда;
Шестьдесят четвертое, когда пришлось просить Будду справиться с оборотнем;
Шестьдесят пятое, когда были спасены младенцы в стране Нищенствующих монахов;
Шестьдесят шестое, когда Сунь У-кун взялся распознать истинное и ложное;
Шестьдесят седьмое, когда в сосновом бору Танский наставник спас оборотня;
Шестьдесят восьмое, когда он заболел и не мог подняться с постели;
Шестьдесят девятое, когда он попал в Бездонную пещеру;
Семидесятое, когда путникам пришлось пробираться через страну, искоренявшую учение Будды;
Семьдесят первое, когда на горе, скрытой туманами, путников встретил злой дьявол-мара;
Семьдесят второе, когда Сунь У-кун устроил моление о дожде в округе Бессмертного феникса;
Семьдесят третье, когда у спутников Танского наставника пропало оружие;
Семьдесят четвертое, когда был устроен пир для чествования волшебных граблей;
Семьдесят пятое — на горе Бамбуков;
Семьдесят шестое, когда Танский наставник переносил пытки в Черной пещере;
Семьдесят седьмое, когда были пойманы оборотни-носороги;
Семьдесят восьмое, когда в стране Зарослей небесного бамбука царица выбирала себе жениха;
Семьдесят девятое, когда Танского наставника бросили в темницу в округе Медная башня;
Восьмидесятое, когда у Заоблачной переправы Танский наставник избавился от брэнного тела.

Танский монах прошел путь в сто восемь тысяч ли и все его злоключения записаны по отдельности в сем списке».

Бодисатва быстро пробежала глазами весь список злоключений и воскликнула:

— Как же так! Ведь по учению Будды, чтобы войти во врата Истины и сделаться праведником, надо перетерпеть девятикратное число девяти страданий, а этот монах перенес лишь восемьдесят злоключений, не хватает еще одного!

И Гуаньинь тотчас вызвала к себе подвижников, постигших учение Будды, и сказала им:

— Догоните хранителей Будды! Монаху осталось перенести еще одно злоключение.

Получив приказание, святые подвижники вскочили на облака и помчались на восток. В течение суток они нагнали восьмерых хранителей Будды и, наклонившись к ним, стали им что-то шептать, а потом уже громко добавили:

— Выполняйте неукоснительно приказание бодисатвы, без всяких нарушений и проволочек!

Выслушав их, хранители Будды опустили вниз облако, и наши четыре путника вместе с конем и священными книгами оказались на земле.

Поистине справедливо сказано в стихах:

Трудно к истине вечной
Подниматься заветной тропею,
Ибо девятью девять
Испытаний стоят пред тобою.
Но возвышенной цели
Изменять ты ни разу не вправе:
Лишь для твердого волей
Путь открыт к Сокровенной заставе.
Закались же в страданиях,
От судьбы принимая удары,
И тебя не осият
Вероломные дьяволы-мары.
Надо стойко держаться
Среди бурь этой жизни печальной,
Если хочешь вернуться
Ты к природе своей изначальной.
Пусть тебя не обманут
Легковерья надежды пустые,
Что постигнуть нетрудно

Высшей мудрости книги святы:

Много бед и ненастий

Встретил истый монах по дороге,

Чтоб к верховному Будде

В золотые проникнуть чертоги.

Издавна созерцанье

С долголетием переплеталось,

Тем, кто прямо шагает,

Не грозят ни грехи, ни усталость.

Если ж ты ошибешься, —

Пусть хоть на волос, пусть ненароком,

Не достигнешь бессмертья,

А свернешь к суете и порокам.

Танский наставник в сильном испуге ступил ногами на землю.

Чжу Ба-цзе громко расхохотался.

— Вот это здорово! — смеясь, восклицал он. — Вот уж верно говорится: «Поспешишь, людей насмешишь!».

— Здорово! Хорошо! Замечательно! — вторил ему Ша-сэн. — Наверное, мы мчались слишком быстро, вот нам и дали возможность передохнуть немного.

— Десять дней просидишь на мели, зато в один день девять отмелей проскочишь! — сказал Сунь У-кун.

— Да перестаньте же вы болтать! — остановил их раздосадованный Сюань-цзан. — Надо узнать, куда мы попали. Что это за место такое?

Ша-сэн повертел головой, оглядываясь во все стороны, и радостно воскликнул:

— Да, это было здесь! Именно здесь! — повторил он. — Ты послушай, наставник, как плещется вода.

— Ты думаешь, раз плещется вода, значит, мы попали к тебе на родину! — насмешливо произнес Сунь У-кун.

— Его родина на берегах реки Сыпучих песков, — буркнул Чжу Ба-цзе.

— Нет, не то! не то! — воскликнул Ша-сэн. — Ведь это же Небесная река!

— Братцы! Тщательно посмотрите, на каком мы берегу, — велел Танский наставник.

Сунь У-кун подпрыгнул и, приладив руку козырьком, стал всматриваться.

— Наставник! — доложил он. — Это западный берег Небесной реки.

— О! Я вспомнил! — воскликнул Сюань-цзан. — На восточном берегу этой реки находится селенье Чэньцзячжуан. В том году, когда мы там были, благодаря твоему волшебству, Сунь У-кун, нам удалось спасти детей. Чэнь был очень признателен и хотел построить лодку, чтобы переправить нас через реку, но на наше счастье появилась белая черепаха, на спине которой мы все благополучно переправились. Помню, что здесь, на западном берегу, было совершенно безлюдно. Что же нам сейчас делать?

— Вот говорят про смертных людей, что они умеют строить козни, но оказывается, что и хранители Будды тоже умеют заниматься такими делами, — проворчал Чжу Ба-цзе. — Будда велел им доставить нас в восточные земли, а они почему-то бросили нас на полпути. Чего ради? Разве не оказались мы в самом безвыходном положении? Как мы переправимся через реку?

— Братец! Не ропщи! — остановил его Ша-сэн. — Наш наставник уже обрел святость. У Заоблачной переправы он избавился от своего брэнного тела, так что теперь не утонет в реке. Давайте прибегнем к способу похищения по воздуху и все втроем перенесем наставника через реку! — предложил он.

Сунь У-кун, посмеиваясь, сказал:

— Нам не перенести его! Никак не перенести!

Почему бы вы думали Сунь У-кун так сказал? Да если бы он воспользовался волшебным способом полета по воздуху, то все они, и учитель и ученики, могли бы легко переправиться через тысячи таких рек. Но дело в том, что Сунь У-кун все прекрасно понимал. Он знал, что заветное число «девятью девять» еще не завершено и Танскому монаху предстояло пройти через последнее испытание, поэтому и произошла задержка в пути.

Оживленно переговариваясь, учитель и ученики медленно шли вперед и дошли до берега. Неожиданно прозвучал голос:

— Эй, Танский монах! Праведный монах! Иди сюда!

Путники всполошились и стали оглядываться, но нигде не обнаружили даже следов человека, на реке не видно было ни одного суденышка. Лишь у самого берега они заметили в реке огромную белую черепаху.

— Почтенный наставник! — высунув голову, заговорила она. — Я ждала тебя все эти годы. Как долго ты не возвращался!

Сунь У-кун рассмеялся.

— Почтенная черепаха! — сказал он. — Вот мы и снова встретились. Помнишь, как ты переправляла нас через реку?

Танский наставник, Чжу Ба-цзе и Ша-сэн были беспредельно рады встрече с черепахой.

— Если ты действительно ждала нас, почтенная черепаха, то почему же не выходишь на берег, чтобы встретить нас?

Черепаха вытянулась и вскарабкалась на берег. Сунь У-кун подвел коня и установил его на самой середине панциря черепахи. Чжу Ба-цзе присел на корточки под хвостом коня. Танский наставник встал у шеи слева, а Ша-сэн справа. Сунь У-кун поставил одну ногу на шею черепахи, а другую на голову.

— Ну, почтенная черепаха, трогайся, — скомандовал он. — Смотри только, не опрокинь нас!

Черепаха высунула лапы и поплыла так плавно, словно шла по ровной дороге. Везя на спине учителя с тремя учениками, да еще коня, она направилась к восточному берегу.

Внимания не обращая

На все учения иные,

Они в глубины погрузились

Законов Будды потайных.

Недаром в страхе перед ними

Прочь отступили мары злые:

Всесильного Владыки неба

Ученье озарило их.

К его спасительной твердыне
Они пришли дорогой бедствий
И лишь теперь свой настоящий,
Свой вечный облик обрели.
Для них, навек освобожденных,
Распалась цепь причин и следствий,
И власть над ними потеряли
Грехи и пагубы земли.
Трех колесниц великой силой
Сполна их мудрость овладела,
Свободы всех своих движений
Они добились навсегда,
Пройдя десятки испытаний,
Они достигли их предела
И по земле отныне могут
Передвигаться без труда.
Пешком им больше не придется
Пересекать хребты и реки,
На длинный посох опираясь,
Брести с узлами на спине.
К своей природе изначальной
Вернулись души их навеки
И вот на дивной черепахе
Плывут по бурной быстрине.

Черепаха, преодолевая бурные волны, лишь к вечеру начала приближаться к восточному берегу.

— Почтенный наставник, — вдруг заговорила черепаха, — помнишь, я просила тебя, чтобы ты, когда прибудешь на Запад, при встрече с Буддой Татагатой замолвил обо мне словечко и

спросил его: долго ли мне еще осталось жить на свете. Исполнил ты мою просьбу?

А надобно вам сказать, что почтенный наставник, с того времени, как совершил омовение в монастыре Юйчжэнь, избавился у Заоблачной переправы от брэнного тела и взошел на чудесную гору Линшань, все свои помыслы обратил на то, чтобы поскорей поклониться Будде. Когда же он очутился среди сонма Будд, бодисатв и праведных монахов, он горел одним лишь желанием — получить священные книги и обо всем остальном позабыл, поэтому и не спросил о долголетию черепахи. Теперь он не знал, что делать: ему не хотелось обидеть черепаху, но солгать ей он тоже не мог. Долго кряхтел он, но так ничего и не сказал. Черепаха догадалась, что наставник не спрашивал о ней, качнулась всем туловищем и нырнула на дно вместе с четырьмя монахами, конем и священными книгами. Хорошо, что Танский наставник избавился от брэнного тела и стал бессмертным праведником. Если бы случилось то же самое в прошлый раз, то он, конечно, остался бы на дне реки. Белый конь, Чжу Ба-цзе и Ша-сэн, к счастью, умели плавать. Сунь У-кун расхохотался и сразу же проявил свое волшебство: он подхватил Танского наставника, вытащил его из воды и вышел на восточный берег. Но узлы со священными книгами, одежда, седло и поводья вымокли насквозь.

Не успели учитель и его ученики выйти на берег и привести себя в порядок, как неожиданно налетел вихрь, небо потемнело, засверкала молния, закружились мелкий песок и камни, и разразилась страшная буря.

После первого порыва

Не прошло еще мгновенья,

А уже Земля и Небо —

Все кругом пришло в волненье,

И едва удары грома

Отозвались многократно,

Затряслись крутые горы,

Реки хлынули обратно.

Ярко молния блеснула,

И огонь ее летучий

Брызнул в стороны клинками

Сквозь нахлынувшие тучи,

И сияющее небо,

Гор гранитные устои —

Все вокруг застлалось мглою,

Непроглядную, густою...
А потом завывла буря
Вихревыми голосами,
Грозный гром кататься начал
Над горами, над лесами,
И во тьме изломы молний
Нестерпимо заблистали
Раскаленными струями
Извивающейся стали.
Небеса, луну и звезды —
Все туманы затопили,
И в лицо швыряет ветер
Заверти песка и пыли,
И стремглав бегут от грома,
Бросив ловлю, бросив игры,
Перепуганные барсы
И встревоженные тигры.
Оглушенные грозою,
Обезумевшие птицы
С криком мечутся в тумане,
Не решаются спуститься,
А деревья глухо стонут
В рукопашной с бурей злою
И бесследно исчезают
За сгустившейся мглою.
Высоко к реке Небесной,
К нескончаемой лазури,
Взвились яростные смерчи

Поднимающейся бури,
Закипели, забурлили
В ней стремительные волны,
И до дна ее глубины
Озаряют вспышки молний.
Там, на дне ее потоков,
Вьются змеи и драконы,
Позабыв свою отвагу,
Робко прячутся в затоны,
Мгла свинцовая застлала
Берега ее крутые...
Да, такую бурю люди
Здесь увидели впервые!
Ну и ветер! Оголяет
Гор задебренные кручи,
Вековые сосны валит,
Рвет бамбук рукой могучей.
Ну и гром! По небу тучи
Гонит голосом сердитым,
На земле людей пугает,
Близкой гибелью грозит им.
Ну и молния! Сверкает,
Ослепительная, злая,
Вьется змейками златыми,
Землю разом озаряя.
Ну и мгла! За ней не видно
Ни реки, ни гор, ни леса,
Даже небо заслонила

Непроглядная завеса.

Танский наставник в испуге всем телом прижал узлы со священными книгами. Ша-сэн тоже придавил коромысло с книгами. Чжу Ба-цзе старался удержать белого коня, а Сунь У-кун начал обеими руками вращать свой посох, ограждая им наставника от возможного нападения. Дело в том, что ветер, туман, гром и молнии были вызваны злыми мэрами из Темного царства теней, которые намеревались отнять священные книги. Буря бушевала всю ночь и лишь к рассвету утихла. Танский наставник, промокший до нитки, дрожал всем телом.

— У-кун! — спросил он. — Почему же все это случилось?

— Наставник, ты многого не знаешь, — тяжело дыша, начал объяснять Сунь У-кун. — Добыв с нашей помощью священные книги, ты совершил настоящий подвиг и тем самым как бы похитил у Неба и Земли счастье, которое дает всем возможность существовать столь же долго, как земля и небо, светить столь же ярко, как солнце и луна, всегда сохранять молодость и быть нетленными! Вот почему Небо и Земля не могут примириться с этим, а божества и духи завидуют нам и хотят похитить у нас драгоценные книги. Но, во-первых, книги промокли насквозь; во-вторых, ты своим правоверным телом прижал их, а потому гром не смог разрушить их, молнии не смогли спалить их, туман не смог скрыть их, к тому же я все время вертел свой железный посох, защитив светлую и непорочную силу Ян. Когда же наступил рассвет, силы Ян возобладали над темными силами Инь, которые рассеялись, так и не сумев отнять у нас священные книги.

Теперь только Танский наставник, Чжу Ба-цзе и Ша-сэн поняли, что происходило, и принялись без конца благодарить Сунь У-куна.

Вскоре солнце поднялось довольно высоко. Путники перетащили книги на высокую скалу и стали их сушить. По сей день сохранились камни, на которых просушивались священные книги. Заодно монахи просушили у той же скалы свое платье и обувь, а сами в это время либо стояли, либо сидели, либо прыгали на солнышке.

Об этом происшествии тоже сложены стихи:

Чей праведный и чистый дух

Исполнен светлой силы Ян,

Тот к солнцу вечному всегда

Стремится сквозь любой туман.

А дьяволы, чей падший дух

Исполнен темной силы Инь,

Должны смирять свой дерзкий нрав

Перед лицом его святынь.
Да будет ведомо и вам:
Пусть губит многое вода,
Она священным письменам
Не в силах причинить вреда.
Светились в бурной мгле они,
Как отблеск ясной вышины,
Ни буря, ни поток, ни гром
Им оказались не страшны.
И для монахов с той поры
Покой желанный наступил:
Навек избавились они
От злобных и коварных сил,
Прозреньем истинным полны,
Невозмутимой чистотой
Благополучно добрались
Они к обители святой.
А где сушились книги их,
На плоских плитах, у воды,
С тех пор остались навсегда
Неизгладимые следы.
Прошли десятки сотен лет,
Как эта быстрая вода, —
Никто из дьяволов с тех пор
Не смел и сунуться сюда!

Пока наши путники просушивали одну за другой священные книги, перелистывая каждую из них, вдали показалось несколько рыбаков. Они подошли к берегу и, подняв голову, увидели наших путников на высокой скале. Среди рыбаков нашелся один, который узнал их.

— Почтенный наставник! Не ты ли в свое время переправлялся на другой берег, следуя на Запад за священными книгами? — крикнул он.

Чжу Ба-цзе ответил за наставника.

— Да, да! Как раз он и есть! А вы сами откуда? И почему вы знаете нас?

— Мы из селения Чэньцзячжуан! — ответил рыбак.

— Далеко ли отсюда до вашего селения? — продолжал спрашивать Чжу Ба-цзе.

— Отсюда прямо на юг по большой дороге будет двадцать ли. Чжу Ба-цзе обрадовался.

— Наставник! — сказал он. — Мы можем перенести книги в селение Чэньцзячжуан и там просушить их. Там же мы найдем кров, нас накормят и мы попросим, чтобы нам накрахмалили одежды.

— Пожалуй, не стоит идти туда, — произнес Танский наставник. — Высушим книги здесь, соберем их и поищем дорогу, — добавил он.

Рыбаки ушли, но, переходя через Южный тракт, как нарочно встретились с Чэнь Чэном и окликнули его.

— Вернулись те самые монахи, которые в позапрошлом году спасли твоих деток.

— А где вы их видели? — спросил Чэнь Чэн.

Рыбаки обернулись и, указывая рукой, сказали:

— Вон они все там, сушат на камнях священные книги!

Чэнь Чэн взял с собой нескольких батраков и, как только перешел через большую дорогу, сразу увидел наших путников. Он подбежал к ним и опустился на колени.

— Почтенный наставник, приветствую тебя! — воскликнул он. — Ты выполнил свой долг и желание твое осуществилось. Почему же ты расположился здесь, а не зашел в мою убогую лачугу? Прошу, очень прошу тебя пожаловать ко мне поскорей!

— Обожди! Когда священные книги просохнут, мы пойдем с тобой вместе, — ответил Сунь У-кун.

— Почтенный отец! Как же это у тебя промокли священные книги, одежда и вещи? — удивился Чэнь Чэн, обращаясь к Танскому наставнику.

— В том году, когда мы были здесь, — ответил Сюань-цзан, — нам удалось переправиться на западный берег благодаря большой белой черепахе, которая перевезла нас всех через реку на своей спине. И теперь она снова любезно взялась перевезти нас обратно, на восточный берег. Когда мы были уже совсем близко от берега, черепаха вдруг спросила меня, передал ли я Будде ее просьбу, с которой она в прошлый раз обратилась ко мне: узнать сколько лет ей осталось жить на свете. Я же не спросил Будду об этом. Вот поэтому черепаха нарочно погрузилась в воду, и мы все вымокли.

Затем Танский наставник подробно рассказал обо всем, что было до этого события и после него.

Чэнь Чэн опять стал просить пожаловать к нему, и просил так искренне и настоятельно, что Танскому наставнику пришлось уступить, и путники начали собирать книги. Они никак не ожидали, что несколько тетрадей из книги «Деяния Будды» присохнут к камням. Поэтому, когда отдирали эти тетради, в которых был конец книги, нечаянно порвали их. Вот почему книга «Деяния Будды» так и осталась до наших дней неполной, а на камнях, где сушились тетради, сохранились отпечатки письменных знаков. Танский наставник был весьма огорчен.

— Это наше упущение, — говорил он с сожалением, — сами недоглядели.

Сунь У-кун лишь посмеивался.

— Дело не в этом! Совсе не в этом! — повторил он, утешая наставника. — Ведь во всем этом есть изъян, между тем священные книги были даны тебе полными. То, что теперь они присохли и порвались, совершилось по сокровенному умыслу, чтобы и книги тоже стали с изъяном. Разве могли мы что-нибудь сделать?!

Учитель с учениками собрали книги и отправились вслед за Чэнь Чэном.

Жители селения быстро узнали о прибытии путников: один передал десятерым, десятеро передали сотне, а сотня передала тысяче, и вот старые и малые — все собрались для встречи. Когда младший брат Чэнь Цин узнал об этом, он сразу же воскурил фимиам и выбежал за ворота, чтобы встретить благодетелей, отдав распоряжение бить в барабаны и играть на музыкальных инструментах.

Вскоре показались путники, и Чэнь Цин ввел их в дом. Затем он велел всем своим чадам и домочадцам показаться праведным монахам и приветствовать их поклонами, благодарить за благодеяние, которое они оказали в прошлом, когда спасли их детей. После этого он приказал подать чай и приготовить трапезу. С того времени как Танский наставник поел волшебные яства небожителей и вдобавок освободился от брэнной оболочки и стал Буддой, он совсем перестал думать об еде, которой питаются люди. Чэнь Цин и Чэнь Чэн всячески уговаривали его поесть хоть что-нибудь, и Танскому наставнику пришлось согласиться. Великий Мудрец

никогда в жизни не ел стряпни, приготовленной на огне. Поэтому все время повторял: «Хватит». Ша-сэн тоже не очень налегал на пищу. И даже Чжу Ба-цзе лишь «пригубил» и тотчас же отставил плошку с едой.

— Ты что, Дурень, не ешь? — удивился Сунь У-кун.

— Сам не пойму, что случилось, — ответил Чжу Ба-цзе, — почему-то аппетит совсем пропал!

На этом трапеза закончилась, еду убрали и начались расспросы. Танский наставник принялся обстоятельно рассказывать, как сперва он совершил омовение в монастыре Юйчжэнь, как затем у Заоблачной переправы на другом берегу почувствовал, что сделался невесомым, как прибыл в храм Раскатов грома и они удостоились лицезреть Будду Татагату, как им устроили угощение, а затем повели в Драгоценную палату и передали священные книги. Упомянул он и о том, что сперва оба досточтимых ученика Будды потребовали у них дары, но ничего не получили и в отместку дали им священные книги без письменных знаков. Лишь вторично поклонившись Будде Татагате и пожаловавшись на его учеников, удалось получить целый свод. Танский наставник рассказал также, как белая черепаха нырнула в воду и как злые силы Темного царства безуспешно пытались похитить книги. Закончив рассказ, он тут же хотел было распрощаться. Но все домашние Чэнь Чэна и Чэнь Цина никак не хотели отпускать монахов. Они говорили:

— С того времени как вы облагодетельствовали моих детей и спасли им жизнь, я не знал, чем отблагодарить вас за такое милосердие, и решил построить монастырь, который назвал «Спасение жизни». В нем непрерывно возжигают фимиам и поддерживают огонь в светильниках в честь вас.

И он тут же позвал своих детей, мальчика Чэнь Гуань-бао и девочку И Чэнь-цзинь, которым велел поклониться до земли и поблагодарить праведных монахов. После этого он пригласил путников осмотреть монастырь. Танский наставник сперва спрятал узлы со священными книгами в молельне дома, причем прочел одну тетрадь из священной книги «Драгоценное постоянство», а затем направился в монастырь.

Домашние Чэнь Чэна и Чэнь Цина устроили угощение в храме, но гости не успели еще сесть, как их пришли приглашать другие. Не успели они взяться за палочки, как опять пришли с приглашениями. И так продолжалось без конца.

Танский наставник и его ученики не решились отказываться от еды, а сами тем временем разглядывали помещение. Монастырь действительно был выстроен на славу. Вот послушайте:

Ярко-красною краской

Ворота монастырские рдеют.

Сразу видно хозяин

Обо всем здесь усердно радеет.

Рядом — башня с террасой,
К ней отлого восходят ступени,
А за ней протянулись
Два крыла боковых помещений.
Ярко-красная краска
И внутри пламенеет на стенах,
И повсюду сверкают
Семь буддийских святынь драгоценных.
Ароматы курений
Поднимаются к небу волною,
И широко в лазури
Развернулось сиянье цветное.
У подножия храма
Словно зыблется ткань голубая:
Это волны Тунтяня
Расстилаются, холм огибая.
А за храмом вершины
Вознеслись к беспредельности горной,
И уходят под землю
Их глубокие вечные корни.

Осмотрев храм, Танский наставник поднялся на башню, где действительно оказались четыре изваяния, изображающие самого наставника и его троих учеников.

Увидев изваяния, Чжу Ба-цзе дернул за одежду Сунь У-куна.

— Братец, гляди-ка! — воскликнул он. — До чего же этот идол похож на тебя!

— А тот идол очень похож на тебя, Чжу Ба-цзе, — подхватил Ша-сэн. — Наставник же получился чересчур благообразным, он ведь не такой на самом деле.

— Все же изваяния сделаны очень хорошо! — похвалил Танский наставник и стал спускаться с башни.

Внизу его уже ожидали, чтобы пригласить на трапезу.

— Ну, а что стало с храмом Великого князя? — спросил Сунь У-кун у почтенных старцев.

— Его в том же году снесли, — ответили старцы. — С того времени, как выстроили этот монастырь, — продолжали они, — поверишь ли, отец наш, из года в год собираем обильные урожаи: что ни год, то все больше и больше плодов земных! Вот уж воистину пребываем под покровительством всех вас, уважаемые отцы наши!

— При чем тут мы? — засмеялся Сунь У-кун. — Это само Небо жалует вам свои милости. Могу только заверить вас, что отныне, после того как мы с вами расстанемся, во всем вашем селении, в каждом доме будут рождаться во множестве дети и внуки, будет увеличиваться поголовье скота и всякая живность, из года в год дожди и ветры будут во благовремении и наступит полное благоденствие.

Все выслушали Сунь У-куна с чувством благодарности, которую выражали земными поклонами.

Между тем возле наших путников собралась целая толпа людей с разными плодами и яствами.

— Вот обида, — рассмеялся Чжу Ба-цзе. — В былое время я бы все съел, но тогда никто не попотчевал меня как следует, хотя бы раз десять, а нынче, когда мне ничего не хочется, потчующих столько, что им и конца не видно.

Все же, чтобы никого не обидеть, он принялся за еду, съел несколько постных блюд во вред своему желудку и сверх того проглотил еще штук тридцать пампушек.

Путники наелись до отвала, но люди продолжали угощать их и звать к себе в гости.

— Братцы! Мы больше не в состоянии есть! — взмолился Танский наставник. — Мы очень признательны вам за вашу любовь и радушие, но уже вечерет, и мы просим больше не угощать нас сегодня.

Наступила ночь. Танский наставник ни на минуту не хотел расставаться с книгами, примостился внизу у башни и, сидя, караулил их. Ко времени третьей ночной стражи он тихонько позвал:

— У-кун!

Тот сразу же отозвался.

— Жители здешнего селения знают, что мы выполнили свой долг, а стало быть обрели святость. Ведь еще в древности говорили: «Праведник не показывает своего лица, а кто показывает его, тот не праведник». Боюсь, что если мы надолго задержимся здесь, то не вернемся к сроку.

— Ты совершенно прав, наставник, — ответил Сунь У-кун. — Давайте воспользуемся этой глухой ночью, — сейчас уже все спят — и тихонько уйдем отсюда! — предложил он.

Чжу Ба-цзе и Ша-сэн все поняли, да и белый конь перешел уже в состояние, когда начинают понимать и соображать. Все поднялись, бесшумно вытащили вьюки и поклажу и отправились в путь. Дойдя до ограды, они увидели, что ворота на замке. Сунь У-кун снова прибег к волшебному способу открывания замков, открыл вторые ворота, а потом и главные. Путники вышли на дорогу и отправились на восток.

С неба вдруг донеслись голоса восьми хранителей Будды:

— Эй вы, беглецы! Следуйте за нами!

Танский наставник почувствовал дуновение ароматного Ветра, который подхватил его и поднял на воздух.

Вот уж поистине:

Достигли путники прозрения святого,

К природе истинной привел их путь великий:

Источник тайн они узрели без покрова,

Склонились пред лицом единого владыки.

О том, как наконец наши путники встретились с Танским императором, вы узнаете из следующей главы.

<http://tl.rulate.ru/book/14623/290808>